

Вырезка
из газетыЗвезда
(вечерний выпуск)

От 41 июля 36

Днепропетровск

С. М. МИХОЭЛС

НАРОДНЫЙ АРТИСТ РЕСПУБЛИКИ,
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ГОСЕТАИДЕЙНЫЙ ПУТЬ
НАШЕГО
ТЕАТРА

Зритель Днепропетровска имеет полную возможность судить о тех, путях, которыми идет развитие Московского государственного еврейского театра (Госета). Театр представляет сюда уже третий год подряд, показывая каждый раз свои новые работы: в прошлом году «Король Лир», в этом — «Разбойник Вольтре». Оба эти спектакли наиболее характерны для театра и вскрывают те основные принципы, которые лежат в основу работы. Быть может зритель успел отметить, что как в «Лире», так и в «Разбойнике Вольтре» преобладает реалистический прием. В первой и во второй работе Госет пошел путями реалистического раскрытия образов, расставляя ударения на явлениях, раскрывающих подлинную социальную природу изображаемых событий.

В прошлых работах над еврейской классикой нас занимали, главным образом, социальные обобщения. Изображение, или, вернее, отражение жизни прошлого шло здесь по пути большей частью одного лишь эмоционального восприятия этого прошлого. Нам занимали в прошлых работах мик-

роскопы социальных явлений, микроскопы же этих явлений, их предельно конкретность, плоть и кровь живого человека иногда тоннули в огромных и широких обобщениях. Таковыми являлись образы «людей воздуха», людей ушедшего поколения, которых воплощали актеры Госета.

Нередко было перекинуть мост между

этими двумя крайностями. Не отказываясь от большого художественного обобщения изображаемого, надо было отдать должное внимание и конкретному образу человека определенной исторической эпохи, образу конкретного участника и носителя идей тех или иных общественных процессов.

И нам кажется, что именно в работе над Шекспиром мы уразумели эту истину и научились ее художественно прояснить вслух. И этот наш шекспировский опыт мы спустя год перенесли на пьесу «Разбойник Вольтре». Ибо именно у Шекспира есть это удивительное сочетание могучего обобщения и предельной конкретности. С одной стороны, мажоральная, а бы сказал, эпохальность каждого отдельного образа — что ни образ, то кусок человеческой истории, то широчайшее полотно общественных нравов, то универсальность поступков, действий, поведения; а с другой стороны плоть и кровь человеческих страстей, предельная ясность, четкость, почти объемная осязаемость каждого, даже самого мелкого героя пьесы.

Значит ли это, что Госет, уразумев, уловив эту методику подлинно реалистической манеры творчества, совершенно и резко порвал со своим творческим прошлым, выкинул за борт весь накопленный им творческий опыт?

Конечно, нет. Из опыта прошлого Госет сохранил, прежде всего, верность условной природе своего искусства. Условность — основная черта любого искусства, а театральное тем более. Из этого же опыта Госет со-

хранил и свое особое умение подымать любую тему на высоту широкого социального звучания. Из того же опыта он сохранил; углубил и расширил свои приемы и традиции в пользовании элементами народности, фольклором языка, песни, пляски. И это последнее немало помогло ему в раскрытии Шекспира, одного из наиболее народных авторов в мировой драматургии. Госет сохранил и свой навык все заключать в строгую пластическую и ритмическую форму. Но все эти приемы, навыки, художественные традиции он подчинил новому своему отношению к идейному содержанию обрабатываемой пьесы. Он лишь идейно целеустремил весь арсенал найденных им средств и приемов, добавив к ним совершенно новое в своем внимании к конкретному, живому человеку. Отсюда и та новая тональность, в которой зазвучали не только ведущие образы спектаклей, но и каждый самый незначительный образ. Лучшим доказательством является проработка массовых сцен в «Разбойнике Вольтре», которые наглядно показывают весь путь перестройки в работе Госета.

Под конец мне хотелось бы остановиться и еще на одном существенном обстоятельстве, о котором говорят спектакли Госета, — о выборе репертуара. Вероятно, у зрителя иногда возникает вопрос — почему в еврейском театре Шекспир, а не Перед Гиршбеин, почему «Разбойник Вольтре», а не Яков Гордиль, одним из которых на афишах щеголет спрятанное на дне души недовольство и нездоровое любопытство. Почему

так много Шолом-Алейхема, почему Менделей Мойшер-Сфорим, а не еврейская оперетта «Шлемка шарлатан» и «Велвеле кушает компот».

К сожалению, еще и сейчас приходится отвечать на этот вопрос, хотя он и до очевидности ясен. Да потому, что Гиршбеин, Гордиль и прочие, им подобные, являются проводниками самых ядовитых мелкобуржуазных идей и вкусов. Потому, что они консолидируют самый отсталый мещанский, вульгарный вкус и зовут к самой приниженной дешевке в области нашего эстетического творчества.

Этим объясняется и то, что за 16 лет своего существования Госет не позволял себе обратиться к этим «популярным» драматургам и не пошел по пути наименьшего сопротивления. Он избрал иной, правда, более трудный, но и более значительный идейно-эстетический путь. По этому пути он пригласил следовать за собой и своего зрителя.

★

Мне особенно приятно поделиться своим мыслями о работе Госета с днепропетровским зрителем, которого мы успели полюбить в течение многократных посещений нас.

Гастроль Госета в Днепропетровске уже давно потеряли свой случайный «гастрольный» характер, и мы сможем на них, как на работу которую мы выполняем в меру своих сил, свой долг по поднятию культурного уровня зрителя и интеллигентности его эстетических навыков и вкуса. Ведь эти вкусы должны соответствовать напей социалистической действительности в великие дни сталинской Конституции.